

**Глава 3. «Макиавеллизм до Макиавелли»:
модель западноевропейского гражданина
позднего средневековья**

И они его в себе несли,
чтоб он был и правил в этом мире,
и привесили к нему, как гири,
(так от вознесенья стерегли)

все соборы о едином клире
тяжким грузом, чтобы он, кружа
над своей бескрайнею цифирью,
но не преступая рубежа,

был их будней, как часы, вожатый.
Но внезапно он ускорил ход,
маятником их сбивая с ног,

и отхлынул в панике народ,
прячась в ужасе от циферблата.

И ушел, гремя цепями, бог.
*Рильке Р.М.*¹

Одной из исторических форм феномена гражданина, сыгравших особую роль в истории Западной Европы, является бюргер позднего средневековья. Тип горожанина можно рассматривать в качестве одного из воплощений зародившегося в период трансформации раннего в позднее средневековье фаустовского человека. Две формы западноевропейского гражданина – бюргера позднего средневековья и гражданина национальных государств нового времени мы рассматриваем как раннее и позднее воплощение фаустовского человека, как его становление и закат. Реконструкция каждой из них требует особого разговора.

Прасимволом фаустовской души Шпенглер считает «чистое беспредельное пространство», ее «телом» – западную культуру². В

¹ *Рильке Р.М.* Бог в Средние века // Новые стихотворения. М., 1977. С. 38.

² «...фаустовским является существование, которое протекает с полным самосознанием в виде внутренней жизни, которое само себя наблюдает, в высшей степени личная культура мемуаров, размышлений, воспоминаний о прошлом и ожиданий в будущем и, наконец, совести» (*Шпенг-*

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

формировании фаустовского человека свою роль сыграло не только христианство с его моральными императивами, но и особенности автохтонной культуры, в контекст которой попадало христианство. «Не христианство преобразовало фаустовского человека, а он преобразовал христианство»¹. Все в мире западного человека есть стремление к одной цели – к «исключительному владычеству», к победе над пространством, вещами, людьми. Борьба за существование, начатая с готического времени, «воля к власти» пронизывает все формы западной культуры. Западное монашество в лице францисканцев и доминиканцев проявлялось в форме движения, а не отшельничества и аскетизма, как это было присуще раннему христианству. Пробуждение фаустовской души связано с пересозданием ею в духе своего прасимвола (склонности к бесконечному, динамика) и древнегерманского язычества, и восточного христианства². Это совпало со временем формирования немецкой, французской, английской и итальянской наций из неопределенных этнических групп. Клунийское движение (аббат Одило) превратило восточноарабское христианство в фаустовское христианство западной церкви. Точкой зарождения западной культуры можно считать IX–XI вв.

«Эдду», германский эпос того времени, возникший в период после Карла Великого под влиянием магического христианства отцов церкви, классиков «Апокалипсиса», Шпенглер расценивает как иной вариант развития христианства на основе эволюции преимущественно германских форм культуры³. В поэзии «Эдды» выражена эта фаустовская душа, устремленная к преодолению всего телесно ограниченного, движимая «безудержной волей, страстью побеждать и уничтожать сопротивление», отечеством ее является безграничное одиночество⁴. В рассказе о паломничестве героя заключается ядро фаустовской религии. Здесь намечается пробуждение внутренней жизни героя, его разлад с Богом и самим собой и обра-

лер О. Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. Новосибирск, 1993. С. 259).

¹ Там же. С. 444.

² Там же. С. 361.

³ Там же. С. 261-262.

⁴ Валгалла – страна, не привязанная к определенному месту, потерянная в беспредельности со своими нелюдимыми богами и богатырями, впервые в истории становится символом одиночества.

щение к рыцарям святого Грааля. «Становится понятным чудо евхаристии, объединяющее участников в мистическую общину, дарующую спасение церковь. Через миф о святом Граале и его рыцарях мы постигаем внутреннюю необходимость германско-северного католицизма»¹. Здесь одна бесконечная жертва, приносимая повсюду и ежедневно. Тайна западной религии – в ее конечном разворачивании, логическом конце, проступающем лишь в протестантизме, это объединение одиноких душ в единую общину. Такова фаустовская идея IX–XII вв. времени «Эдды». Здесь выражена потребность в едином Боге, постепенно сливающимся с единым пространством. В раннеготическую эпоху даже пассивно-духовная мораль Иисуса в западной культуре превратилась в мораль повелевающую. Западная церковь свою миссию понимала уже как притязание на силу, а не как таинственное благодеяние, крестовыми походами отстаивая свое право на истину, поиск символов истины (Гроба Господня) был для нее символом будущей власти над все большими пространствами.

Вопрос о первенстве воли или рассудка² стал основной проблемой готической философии, специфическим вариантом ответа на запрос общества и культуры. Фаустовская культура есть культура воли³. Воля является психическим выражением «вселенной как истории»«. В эпоху готики впервые возникла мысль о возможности целенаправленного влияния личности на историю, подчинения истории человеческой воле. Впоследствии это более явно выразилось как воля человека к власти над пространством, временем и самим собой.

Специфика цивилизации позднего средневековья во многом определяется становлением городской общины как новой для европейских народов того времени общности (хотя в некоторых городах происходило возрождение городского строя, унаследованного от римлян), а также развитием различных форм городского самоуправления. Генезис гражданина городов (бюргера) этой эпохи

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 262.

² «...готическая философия с ее дилеммой разума и воли есть подлинное выражение жизнечувствования людей крестовых походов, эпохи Гогенштауфенов и созидания соборов. Так видели душу, потому что сами были такими» (Там же. С. 400-401).

³ «Воля и мышление в картине души – это то же, что направление и протяженность, история и природа в картине внешнего мира» (Там же).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

связан с коммунальными революциями XII в. Ж. Ле Гофф отмечает параллелизм процесса образования коммун в деревнях и городах, свойственного христианскому миру, и рассматривает его этапы на примере Италии. Эволюция городской общности в ряде европейских стран включала смену следующих форм: *группы соседей* («*vicinia*» – соседства), объединенных вначале лишь пространственной близостью, преобразовывались в *братства* («*fraternitas*»), которые в свою очередь трансформировались в *общины*. Соответственно менялись и формы экономической и моральной солидарности – соседской, братской, коммунальной, которые строились на противопоставлении *свои – чужие*, но, структурируясь в новой форме, отражали и процесс социального расслоения¹. Коммуна, называвшаяся по-разному у французов, итальянцев и немцев, строилась на сходных принципах, главным из которых была клятва равных, связывающая членов первоначальной городской коммуны. Этим она отличалась от вассального договора о верности, соединявшего высшее с низшим. «Феодальной вертикальной иерархии было противопоставлено горизонтальное общество»². Формулы и практика отношений в общине (коммуне) были ориентированы на принципиальное равенство, этой ценностной установкой относительно корректировалось неискоренимое экономическое неравенство.

Города не были открытым вызовом феодализму, но в контексте негативно-скандального отношения к новизне, свойственного средневековью, они воспринимались как явление необычное, как некая новая реальность. В качестве специфических характеристик позднего средневековья Ж. Ле Гофф выделяет контраст города и деревни (горожанина и крестьянина)³, а также постепенное изме-

¹ «Явления и понятия, обозначающие соседство, имели фундаментальное значение, им противопоставлялись явления и понятия, связанные с «чужаками». Добро шло от соседей, зло – от чужаков. Но, став структурированными общинами, «соседства» расслаивались, и во главе их становились группы «добрых людей», или «прюдомов», «знатных», «нотаблей», из числа которых выходили консулы или должностные лица, общинные чиновники» (Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 271).

² Там же. С. 272.

³ «Городская стена служила наиболее укрепленной границей из всех, известных в ту эпоху. Стены, башни и ворота разделяли два мира. Города

нение отношения к горожанам, становление нового менталитета, заключавшегося в выборе деятельной жизни¹.

Бюргерское общество средневековья представляет собой совокупность локальных, местами взаимосвязанных (Ганзейский союз), а чаще разрозненных городских сообществ, прорастающих сквозь «множество множеств» средневекового общества. Помимо городов как особых государств, обществ, цивилизаций, экономик, культур и самосознаний, Ф. Бродель выделяет в обществе средневековья еще четыре «общества», или социальных иерархии: сеньориальную, теократическую, феодальную, иерархию территориального государства². Им соответствовали и типы власти. Доминирующим среди этих типов был традиционный тип власти, основанный на производстве тела. Его духовную основу составлял феодальный этос – этос тела. Идеал христианского рыцарства стал результатом компромисса между военно-аристократическим идеалом рыцаря и этосом христианина. Но параллельно «телесному типу власти» (А. Франц) в городах формировались новый тип власти – тип, основанный на власти капитала, и новая модель включенности индивида в общность. В средневековом городе формировалась идея свободы от всех зависимостей феодального общества, от всего того, что составляло основы цивилизации тела. Посредством денег и торговли христианский город постепенно устанавливал сходные правила игры в пределах христианского мира. Общность верующих

заявляли о своей оригинальности, о своеобразии, кичливо помещая на своих печатях изображения стен, хранивших их покой. Трон славы – Иерусалим или престол зла – Вавилон, город всегда оставался для Средневековья символом экстраординарности. Быть горожанином или быть крестьянином – здесь проходил один из великих разломов средневекового общества» (*Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 273).

¹ «Сквозь Библию прочитывалась антигородская история человечества. Основателем первого города был Каин, которому подражали все злодеи и тираны, враги Господа. Напротив, патриархи, справедливые и богобоязненные, жили в шатрах, в пустыне. Обосноваться в городе означало выбрать сей мир, и действительно, возникновение городов вместе с оседлостью, с установлением собственности и развитием инстинкта собственника способствовало становлению нового менталитета, заключавшегося в выборе жизни деятельной, а не созерцательной» (Там же. С. 175).

² *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 466–467.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

христиан, поначалу существовавшая лишь идеально, постепенно стала реальностью, а затем столь же постепенно обрела новое культурное содержание. Ф. Бродель описывает значение кредита для развития торгового обмена и формирования миров-экономик нового времени. Границы кредита совпадали с границами общей веры, установившимися в средние века. Пространство веры, пространство сходных экономических условий и норм и пространство развития идеи свободы в принципе совпадают. Идеальной общности христианского мира стала соответствовать реальная общность мир-экономики с едиными правилами игры – кредитом, банками и т.д. Постепенно города вслед за экономической приобретают и политическую власть, выросшую благодаря применению технических достижений в военном деле. Параллельно этим процессам, где-то опережая их, где-то им следуя, шло становление этоса бюргера, который все более теснил военно-аристократический идеал рыцаря, даже в его компромиссной версии рыцаря-христианина.

Гражданское общество средневековья гетерогенно, фрагментарно, однако обладает неким импульсом развития и вращается в иные социальные иерархии. Средневековье дает огромное разнообразие типов городов и устройства городских общин. Преобладающим, типичным городом средневековья М. Вебер считает бюргерский промышленный континентальный город, ориентированный на экономику. Основным субъектом этого города был горожанин как *homo oeconomicus*¹.

Наличие саморегулирующейся городской общины, обладающей определенной степенью автономии, особым правом и сложной структурой, – уникальный признак средневековой цивилизации, образующий институциональное условие существования гражданина позднего средневековья. Институциональное измерение модели гражданина этой эпохи включает объективный социальный статус индивида, становление которого неотделимо от становления городской общины как новой формы социальности. Говорить о единстве устройства городской общины можно весьма условно, поскольку реальность того времени дает бесконечное разнообразие городов и общин. Автономия городской общины в реальности была относительной, внешний мир (папа, король, сеньор,

¹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 426.

феодалы) постоянно вмешивался в ее жизнь. Общая идея и наличие верховной власти в городе были необходимыми для его существования. Сохраняющееся ядро города к концу средневековья составляла «universitas» – общность, корпорация, в основе которой лежала взаимная присяга формально равных между собой жителей города, идентифицирующихся друг по отношению к другу в качестве «своих» и противопоставляющих себя «чужим». «Universitas» существовала в качестве самостоятельного юридического лица, материальное воплощение (собственность) которого составляли городская печать, хартия, казначейский сундук, каланча ратуши, городские стены и иные атрибуты общины.

Влиянию христианства М. Вебер приписывает то, что изначально городская община формировалась как «братство», скрепленное религиозной клятвой, или союз бюргеров, сложившийся в борьбе за участие в городском управлении. Братство переросло в городскую общину – universitas civium¹. Членство в таком сообществе граждан было обусловлено экономическим статусом отдельного бюргера, основу которого создавало владение землей. Городская община граждан в средневековье показывает слияние идеи античного полиса (с определяющим его статусом гражданина как существа политического) с идеей христианской общности как братства (с определяющим его статусом христианина). Отличием средневековой городской общины стало постепенное выделение экономического статуса отдельного бюргера в качестве главного признака, на основании которого он может быть включен в общину, хотя религиозный и политический признаки сохраняли свое значение.

Внутреннее устройство городской общины и составляющей ее основу культуры складывалось в напряженном противоборстве двух тенденций, каждая из которых задавала определенный принцип организации целого: демократического эгалитаризма (с присущей ему тенденцией к единству, равенству, «республиканскому устройству» социально-политической системы города) и принципа элитарности, олигархического правления (с тенденцией создания иерархии и специализации уровней организации общины). В результате динамичного взаимодействия этих тенденций происходило горизонтально-вертикальное структурирование системы города.

¹ Вебер М. Указ. соч. С. 341.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

Равновесие этих тенденций достигалось редко, чаще и система одного и того же города на разных этапах ее существования, и социально-политические системы разных городов давали примеры преобладания одной из них. Взаимодействие этих принципов в модели гражданина выражается бинарной оппозицией *эгалитарное – элитарное*. Общую структуру городской общины можно выразить посредством совмещения двух пар оппозиций модели – *свои – чужие* и *эгалитарное – элитарно*. Внутри эгалитарной общности равных существует узкий круг господствующих и широкое основание подчиняющихся. За счет такого вертикально-горизонтального строения община функционирует в режиме, который можно описать оппозицией *господство – подчинение*.

Отсюда двойственность, противоречивость социально-политической системы города: с одной стороны, большинство городских должностей было выборным, возможности переизбрания одних и тех же лиц и совмещения должностей были формально ограничены; с другой – общим правилом на практике было избрание на городские должности одних и тех же людей или представителей одних и тех же семей. Формальную и реальную власть имел и олицетворял узкий круг «лучших людей», имевший тенденцию к закрытию. «Свои», определяясь относительно «чужих», постепенно структурируют собственную организацию. Возникает иерархия «своих» и «чужих» внутри городской общины: «верх», элиту составляли «патриции», середину – представители купеческих гильдий и ремесленных цехов, «низ» – «меньшие», бедняки. Это была и иерархия гражданства. К числу бюргеров (фактически полноправных граждан, членов городской общины) относились «патриции» («старшие», «*melior et sanior pars*» – «лучшая и наиболее здоровая часть») и средние (*mediocres*) слои города.

Отличительными признаками «патрициев» было богатство (недвижимая и движимая собственность, дальняя торговля, контроль сбыта продуктов, предпринимательская деятельность) и возможность занимать высшие городские должности. Выполнение обязанностей по должности даже при краткосрочности магистратур требовало больших средств, было связано с риском. Должностные лица вели текущие расходы за свой счет, их имущество становилось залогом за займы от имени города, несли личную материальную ответственность за принятые судебные-административные ре-

шения. Патрицианские кланы, сочетая экономическую мощь с внеэкономическим принуждением, возможным благодаря обладанию ими властью в городе, фактически определяли политику города: влияли на систему налогообложения; получали доступ к откупам и подрядам, диктовали условия найма и ценообразование, контролировали судопроизводство. Клан не был группой равных по статусу лиц, а составлял иерархию, на верху которой стояли олигархи, а ниже – менее влиятельные родственники, зависимые люди, клиенты, друзья. Средние слои города были объединены в гильдии и цехи. В формировании статуса горожанина значение имели два фактора – принадлежность к цеху и уровень доходов. Быть богатым, одновременно принадлежать к могучей корпорации, занимающей привилегированное место в городском управлении, к тому или иному «старшему цеху» – необходимые условия высокого экономического и политического статуса. Патриции и средние составляли слой полноправных горожан, владевших недвижимостью в городе, выполнявших определенные обязанности по отношению к общине (уплата налогов, обеспечение порядка на улицах, ответственность за охрану города). Выполнение обязанностей давало право пользования городскими привилегиями. Низшие слои («*minores*» – «меньшие», или «тощие») также принадлежали к бюргерству и могли пользоваться частью бюргерских прав¹.

«Меньшие» составляли значительную часть населения города, к ним относились мелкие торговцы и ремесленники, находящиеся в зависимости от цеховой верхушки, представители «младших цехов», «вечные подмастерья», люди не престижных профессий, наемные работники, поденщики, слуги. К ним примыкали нищие и различного рода маргиналы. «Тощий люд», «бедные» в массе своей были членами городской общины, «своими», что фиксировалось в особой категории налоговых описей, отделяющей их от полноправных бюргеров, но все же включающей в состав бюргеров. Пропорция таковых в составе налогоплательщиков составляла от 40 до 60%. «Тощие» были почти полноправными членами городской общины. Не бюргерами, «чужими», были подмастерья, наемные работники, маргиналы и мигранты. Были и

¹ Уваров П.Ю. Община горожан: структура и конфликты // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 2000. С. 10.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

категории, в социальном отношении «переходные» от бюргеров к не бюргерам¹.

Социальный статус горожанина был обусловлен его принадлежностью к той или иной корпорации, занимавшей определенное место в социальной иерархии города. Социальный статус бюргера не был индивидуальным, это статус члена корпорации – на уровне отдельных гильдий или цехов и на уровне города как корпорации. Средневековье дает множество корпоративных форм объединений: гильдии – духовные, купеческие, оборонительные; цехи и иные объединения ремесленников; общности поселенцев на разных уровнях. С юридической точки зрения каждая из них выступала в качестве самостоятельного коллективного субъекта права и отчасти политики, особого рода юридического лица. Права и обязанности подобных общностей не совпадали с правами и обязанностями их членов.

Объединяющая роль городского права заметна там, где город добивается самоуправления на основе осознанного сплочения, оформленного посредством кодификации законов, то есть в случае создания коммуны. Право становилось выражением единой воли горожан. Для обозначения жителей данного города появился всеобъемлющий термин «universitas». Статуты указывают место связавшей жителей клятвы и закрепляют идею единства городского сообщества. Городская община становится субъектом права: вступает в отношения с королевской властью либо сеньором, в эпоху сословно-представительной монархии избирает представителей в сословные собрания, строит свои отношения с округой и близлежащими городскими общинами, выводя единство как бы «от противного» – из разграничения своих и чужих прав, прерогатив и обязанностей.

Права бюргера выводились из прав городской общины. В первых хартиях говорилось о привилегиях горожан как территориальной общности. В последующих – уже ставился вопрос, кто может считаться таковым. С социальной точки зрения, произошла консолидация бюргерства как сословия. Постепенно были выделены следующие основания для обладания статусом горожанина: 1) владение недвижимой собственностью (домом или землей в городе) – главной ценностью средневекового общества; 2) ценз оседлости; 3) принадлежность к церковному приходу; 4) служба в войске го-

¹ Уваров П.Ю. Указ. соч. С. 16.

рода; 5) уплата городских налогов; 6) соответствующий статусу образ жизни. С юридической точки зрения, формирование понятия «горожанин» означает смену субъекта права. Значительная часть населения города оказывалась за рамками прав общины сограждан, обладателей статуса бюргеров, за рамками собственно городских правовых норм, то есть вне правосудия и справедливости. Это раскалывало общность города в целом. Территориальное право перерастало в сословное. Городское право не знало полноправных и неполноправных горожан, а делило население города на горожан и негорожан, не фигурирующих в городских юридических документах. Это характеризует городское право как жесткую систему, ориентированную на недостижимый идеал гомогенной общины. Процесс сословного оформления городов, начавшийся с массового распространения муниципальных привилегий, дававших горожанам определенный юридический статус, завершился во всех странах Западной Европы включением их представителей в сословные собрания. «Сословно-представительные собрания превращаются в институт публичного права, элемент государственной системы, ограничивающий единовластие монарха»¹.

Правовой статус гражданина позднего средневековья определялся исходя из представления о городской общине как совокупности граждан. Принадлежность к ней гарантировала ее членам следующие права: равный для всех суд; разбирательство дела согорожанами, равными по положению; запрет произвольных арестов; участие в городских ассамблеях (право голоса), возможность быть избранным в органы городского управления; право носить оружие. В целом в обществе доминировало право корпорации и ее членов, а не граждан в современном смысле слова. Процесс возникновения и складывания городских свобод тесно связан с проникновением в правовое сознание и юридическую практику понятия «корпорация»².

В становлении города как автономной общности огромную роль сыграл городской суд. Принципиальное обладание юрисдик-

¹ Гутнова Е.В. Города и сословные собрания // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4. М.: Наука, 2000. С. 43, 44.

² Варьяш О.И. Городское право и право в городе как фактор единения // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М.: Наука, 2000. Т. 3. С. 245.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

цией осознавалось формой «господства-подчинения». Обладание собственным судом, кроме чисто практических соображений, есть способ приобщиться к *iustitia* – справедливости, найти свое место в правопорядке, обществе, а значит и в упорядоченности мироздания вообще, в Мире Божиим. Цель суда, по представлениям горожан, заключалась в восстановлении нарушенного право- и миропорядка через достижение и постижение справедливости, что могло быть осуществлено лишь через поиск и установление истины. Суд был призван обеспечить не права конкретного человека, а «право» как гарантию справедливости и порядка. В решениях суда и нормативных актах разного уровня говорится о том, что он должен «дать» или «сделать» (осуществить) право. Обладание судом означало участие в сотворении права и порядка.

Возникновение городского суда вырывало человека из подчинения в одних случаях суду сеньориальному, в других – территориальному королевскому, и включало его в общность нового типа – совокупность лиц, подчиненных одному и тому же судебному органу и одновременно творящих его. Суд стал выражением городской власти и городского единства. Особенность судебной системы в городе заключалась в том, что индивид был причастен к разным судебным органам, мог выступать не только в качестве истца и ответчика, но еще и в роли свидетеля и соприсяжника и даже судьи или члена коллегии. Судебный процесс был открытым, публичным, гласным, состязательным. Это вело к общедоступной форме выражения сути дела и общеизвестной процедуре, к понятному языку судей. В системе доказательств большое значение имела «слава» – репутация человека. Огромную роль в процедуре играл обычай.

Особую роль для жителей городов играло получение или фиксация свободного статуса горожан. В средневековом праве и практике личная свобода не обязательно сопровождалась свободой распоряжения имуществом. Городские хартии свидетельствуют о постепенной достройке «свобод»: личный свободный статус открывал дорогу свободному наследованию, свободе брака и распоряжения имуществом, в том числе недвижимым. Из этого вырастало право «одного года и одного дня» и принцип «городской воздух делает свободным», хотя хартии не отменяли наличия рабов и зависимых у самих горожан, усиливая сословный характер права сословностью понятия свободы. Почти во всех городских хартиях в

Европе за горожанами признавалась личная свобода (основа будущих гражданских прав) и ряд судебных привилегий: 1) право иметь собственный городской суд, 2) свободу горожан от суда «вне стен города», то есть от привлечения горожан в сеньориальные и другие территориальные суды. Эти судебные привилегии означали одну из форм судебного иммунитета городов. Город становился пространством свободы и для городской общины, и для индивида.

На становление политического статуса бюргера огромное влияние оказал процесс вовлечения городов в общегосударственную фискальную систему. Это было главной причиной привлечения городских представителей к участию в сословных собраниях. Последнее резко повышало политико-правовой статус горожан, завершало и оформляло их становление в качестве нового общегосударственного сословия. Политические права горожане получали в обмен на налоговые сборы, это была сделка, подобная гражданской, но поскольку сторонами ее были корона как верховная государственная власть и горожане как сословие в масштабах страны, это была публично-правовая «сделка», оформленная законодательно. Приобретение горожанами статуса сословия отражало их возросший экономический статус. Городские жители никогда не находились в равноправном положении с господами, оставались людьми второго сорта, «неблагородными». В большинстве городов выборные муниципалитеты делили власть с должностными лицами короля, городские доходы пополняли королевскую казну. Юрисдикция городских судов была ограничена высшими королевскими судами, горожане обязывались выполнять общегосударственные повинности. По мере формирования сословно-представительных собраний с участием городских депутатов конфликты горожан с королем и высшими сословиями перемещались именно туда, борьба городов за свои права приобретала легальные формы. По мере роста экономического значения, социального престижа и сословного самосознания горожан, городское сословие постепенно выросло в третью силу, поддержки которой в их взаимных столкновениях искали и короли, и крупные феодалы. Взамен отстаивания локальных привилегий в борьбе городов все больше выдвигались общесословные интересы. В XIV–XV вв. города и бюргерство успешно интегрируют в политическую систему средневекового общества.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

Появление представителей городов в сословных собраниях означало их допуск к ограниченному участию в политической системе сословных монархий. Одновременно оно вносило в эту систему принцип представительства. В зависимости от конкретных политических условий каждой страны роль горожан колебалась от униженного согласия с решениями высших сословий или короля до активного вмешательства в политику в интересах «третьего сословия» или даже до выработки общеполитических программ. Бюргерству обычно удавалось добиваться осуществления частных социальных требований экономического характера. Всюду городские представители могли контролировать государственное обложение городов. Оставаясь «третьей силой» в борьбе между королем и магнатами, бюргерство нередко добивалось своих сословных целей. Депутаты городов играли роль стабилизатора, способствующего заключению политических компромиссов между сословиями и королем. В целом они содействовали укреплению центральной власти. Городские «парламентарии» при всей элитарности их социального состава вносили в реализацию этой власти некоторые элементы демократизации: представляли интересы городских общин перед королевской властью, в определенной мере ограничивали королевскую автократию.

Политический статус бюргера, с одной стороны, носил ограниченный характер: набор его политических прав (ролей, функций) зависел от сословной и корпоративной принадлежности и уменьшался по мере снижения индивида по лестнице социальной иерархии. С другой – статусу был свойствен формально демократический характер, в правовом смысле один гражданин города был равен другому в масштабах городской общины. Однако даже в ограниченных сословиями рамках гражданин мог действовать, расширяя пространство своей автономии и прав. Изобретение принципа представительства стало одним из достижений социального творчества бюргеров, направленного на создание новых политических способов (институтов) взаимодействия с верховой властью и другими сословиями и формулировку новых принципов устройства социально-политической системы. Начала элитарности – эгалитарности пронизывают и устройство городского «парламента», и конкретную степень проявления статуса бюргера для каждого горожанина. Институциональное измерение модели гражданина может

быть выражено смысловым пересечением двух пар бинарных оппозиций: *эгалитарное – элитарное* и *господство – подчинение*. Постоянное участие городских депутатов в сословных собраниях создавало привычку к представительной организации власти, повышало их профессионализм в парламенте, общий престиж городов, способствовала росту сословного самосознания и политической культуры бюргерства, заставляло считаться с мнением городов в решении общеполитических проблем.

Политический статус бюргеров эволюционировал параллельно изменениям политических структур города на протяжении XIV–XV вв. Направленность изменений связана с конкретным соотношением одновременно действующих и пронизывающих друг друга тенденций. С одной стороны, происходило усиление начал корпоративного самоуправления и контроля, что вызывало интеграцию широких слоев населения в систему городских институтов, с другой – сохранялись и усиливались олигархические начала в жизни города. При любой степени «демократичности» устройство города всегда было результатом союза городских элит. По мере складывания иерархии ремесленных цехов укреплялись цеховые элиты, лишь «старшие» цехи получали доступ к цеховой администрации. Повышение значения сословно-представительных органов местного самоуправления происходило параллельно централизации верховной власти. Усиление «антидемократических» тенденций в политической жизни городов к концу средневековья осуществлялось при несомненном расширении социальной базы городских властей. Политическая культура города усложнялась, городские власти гибко учитывали интересы различных слоев, оставались открытыми возможности роста для многих групп, но менялись горизонты этого роста. Одни группы реализовывали себя на общегородском уровне, другие – на уровне цеха или конфрерии, третьи – квартала или прихода. Формальные демократические процедуры сохранялись, давая лишь видимость участия народа в управлении. Однако форма была не менее значима, чем содержание.

За социально-экономическим, правовым и политическим статусом гражданина скрывается следующий набор социальных ролей, порождающих соответствующие обязанности и права гражданина: лично свободный человек, собственник (обладатель недвижимой и движимой собственности), коренной (обладающий опре-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

деленным цензом оседлости) житель города, член церковного прихода или какого-либо религиозного братства, налогоплательщик, член городского ополчения, участник городского суда (судья, член коллегии, соприсяжник, свидетель, одна из сторон судебного процесса), участник городской ассамблеи (обладатель права голоса), член того или иного органа городского управления. Это сложный конгломерат институционализированных ролей, исполнение которых ожидается от индивида каждой из форм ассоциации, в которые он был включен постоянно или временно. Разнородный состав ролей выстраивался в иерархическую ролевую структуру посредством акта медиации, совершить который был способен лишь индивид, обладающий определенной степенью личностного развития. Необходимость медиации вызывалась резким усложнением состава ролей, связанным с концентрацией населения, общественных связей, власти в городах, с возникновением городской государственности.

Духовное признание новой социокультурной роли гражданина побуждалось постепенным осознанием необходимости разрешения противоречия между возросшим социально-экономическим значением сословия горожан и низкой духовной его оценкой со стороны общества. Во всех формах культуры на протяжении XII–XV вв. совершался переход от негативной к позитивной духовной оценке данного сословия, уравнивающей его в религиозно-нравственном, правовом и политическом отношении с привилегированными сословиями.

Ментальное измерение модели гражданина связано с содержательными, культурными характеристиками социальных ролей, соответствующих статусу бюргера. Статус бюргера, независимо от социальной дифференциации горожан, включал обладание чувством собственного достоинства, вытекающего из чувства причастности к какой-либо из корпораций и городской общине в целом. Культурная роль гражданина составляет субъективную сторону его объективного социального статуса, поэтому об институциональном и ментальном измерениях модели гражданина как об отдельных образованиях можно говорить весьма условно. В контексте средневековой реальности они представляют собой единое, почти неразличимое целое. Ментальное измерение феномена гражданина включает мировоззренческие представления, религиозно-нравственные качества, правовые и политические аспекты его сознания и

культуры. Все они были «не личными его качествами, а достоинством корпоративной группы»¹.

Внутренняя природа индивида, структура его сознания и способ поведения носили сословно-корпоративный характер, личностные и индивидуальные его проявления определялись набором статусных ролей. Статус был неотделим от личности его носителя. Следствием этого была неразличимость публичной и частной сфер бытия гражданина. Правовой статус горожанина позднего средневековья, унаследованный или приобретенный, был непосредственно связан с внутренней природой человека, определял его моральные свойства, черты его характера. Право не было жестко отделено от морали и религии, все эти формы культуры носили сословно-корпоративный характер. Соответствующими чертами обладали и переходящие друг в друга религиозные, моральные, правовые аспекты ментальности гражданина. Корпорация определяла ментальные установки горожанина, ее нормы, идеалы, ценности постоянно присутствовали в его сознании. Нарушить или уклониться от исполнения норм группы значило обречь себя на публичное осуждение и изгнание. Даже решение, принимаемое в процессе выборов в члены совета цехов или органов муниципального управления, не было проявлением индивидуальной воли горожанина, оно подчинялось общему мнению цеха, гильдии, корпорации или принималось под влиянием мнения и воли элиты этих групп.

Для корпорации средних веков характерна религиозная сакрализация собственных норм. Исходное ядро каждой корпорации составляло «братство» равных, скрепленное священной клятвой. Социокультурный смысл этого братства заключается в единении его членов посредством освященного христианством ритуала. На клятвенной присяге основывалось существование самой городской общины и всех ее институтов. Клятвенным союзом была любая городская корпорация. Каждый судебный процесс, каждая сделка сопровождалась клятвой. Клятва – не просто договор или соглашение о верности, это апелляция к сакральным силам, обеспечивающим существование любого земного сообщества. Нарушить клятву – значило бросить вызов могущественным силам, поставить под угрозу существование общины. На страже договора, скрепленного

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 210.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

клятвой, и в целях защиты общественной безопасности от клятвопреступников стояли нотариусы («клятвопримцы»). Клятва была нерасторжимой и священной, только папа мог освободить от нее. Однако при столкновении разного типа «верностей» (коммуне, сеньеру) возникали определенные коллизии. Отсюда стремление коммуны аннулировать прочие связи, освободить людей зависимого состояния, ограничить деятельность людей сеньора в городе или добиться от них «переприсяги» коммуне. Действенность клятвы зависела от соблюдения ритуала, от степени публичности, от того, на каких предметах она приносилась: особенно ценны были клятвы на священных реликвиях и сакральных предметах. Реликвии в городе символизировали и защищали единство общины, были залогом ее процветания. Главными жителями города, его подлинными хозяевами, предстоятелями, хранителями городских привилегий и свобод считались святые патроны¹, клятву им приносили сеньоры и даже короли.

Основу интеграции составляла не объективная структура городской общины, а религиозная культура города: источник единства городской общины и других корпораций находился «на небесах», носил трансцендентный характер. Каждый город мыслился его жителями как святое пространство, модель «Града Божьего». Представление о городе как привилегированном месте спасения, символом которого служит городской храм, – это некая медиация, нахождение возможного компромисса между идеями двух градов. Земной город стал проекцией Небесного Иерусалима. Город в социокультурном смысле сохранял определенную двойственность: с одной стороны, это – привилегированное пространство спасения, с другой – пространство земной жизни. Двойственностью отличалась и фигура гражданина: как земное существо он подвержен соблазнам и порокам, в том числе порокам власти, но как член религиозной общности (Града Небесного, спроецированного на городскую общину) он – равный другим «брат». В гражданине уживаются и сближаются «гражданин небесный» (христианин, праведник) и земной человек. Результатом медиации противоположных начал,

¹ Так, например, коммуна Генуи носила название республики св. Георгия. О неустойчивости политической системы Генуи XIV–XV вв. и трансформации ее в синьорию см.: *Рутенбург В.И.* Генуэзский вариант итальянской синьории // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 71–78.

выражаемых бинарными оппозициями (небесного и земного, священного и профанного, добра и зла, Бога и Дьявола, греха и добродетели), пронизывающими средневековую культуру, становится идея равновесия, мира в городе. Реализация этой идеи ставится в зависимость от добродетелей горожанина, от его способностей (в опоре на христианский долг и божественные заповеди) к самоограничению, контролю над своей чувственностью, аффектами, к рефлексии и разумной жизни.

Стремление к индивидуальному и коллективному спасению души напрямую связывалось с заботой о земном процветании города, с практическими нуждами горожан, «экономической политикой», заботой о благоустройстве города, формами социального контроля над бедными, преступниками, мигрантами, а также с ограничениями роскоши, расточительства, борьбой с пороками. Все эти меры были способом реализации идеи устройства каждого города по образу и подобию истинного Града Божьего, пространства божественной справедливости, свободы, права, равенства, пространства истинных христианских добродетелей.

Введение индивида в общину верующих горожан придавало дополнительную окраску акту христианского крещения. Город всегда мыслился как устремленный к «Небесному Иерусалиму» и возвышающийся над прочими поселениями. Здесь совпадали смыслы человека как члена общества, общности верующих и общности горожан, то есть понятия человека, верующего, горожанина. Роль праведного христианина («гражданина Града Небесного») – первая и самая трудная роль горожанина. Церковь требовала от него исполнения этой роли, стимулируя тем самым сверхиндивидуальную сторону личности, связанную с общением с богом. Достоинство человека виделось не в проявлении, а в ограничении индивидуальной воли и мнения, в ориентации на волю корпорации и старших в ней, на мнение группы. Понятия отлучения (*excommunicatio*), крещения, веры, верности, призвания имели и сакральный, и социально-политический характер. Отлучение еретика от общности христиан означало фактическое исключение человека из общества. Быть вне религии и вне земных законов – значит быть вне общественных связей, быть чужаком, лишиться обязанностей и прав, защиты и покровительства корпорации, умереть в социальном смысле.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

Городская община стала пространством и способом реализации христианской модели социальности (идей апостольского братства), погруженной в автохтонный социокультурный контекст – итальянский, германский, скандинавский или французский. Идеи Нового Завета о детях Божьих и братьях Христа создавали образ принципиально новой человеческой общности – христианской общины, образованной по типу семьи, определяющими отношениями в которой являются любовь отеческая и сыновняя, с одной стороны, и братская (равных между собой «чад Божиих») – с другой. Культура раннего средневековья рассматривала эту модель применительно к Граду Божьему, противопоставленному граду земному. Принципиально различались и типы гражданства в этих общностях. В Небесном Граде осуществляется божественное гражданское право (гражданство) всех людей, предполагающее равенство всех верующих христиан перед Богом. В земном граде действует языческое греко-римское право, с его акцентом на отношениях собственности и господства между отцом и детьми. Земной гражданин (подданный земных государств) противопоставлялся гражданину Неба, христианину. Позднее средневековье, уйдя от противопоставления двух общностей благодаря идеям их взаимодействия и сближения (Августин, Фома Аквинский), спроецировало модель равенства верующих на отношения в городских общинах (корпорациях). Фома Аквинский писал о «божественном общении», которое характерно для христианской общности, как о слиянии людей в «едином теле Церкви...»¹. Тело христианской общины (in uno corpore Ecclesiae) – это прообраз средневековых корпораций Европы. Гражданство в христианской общности – это подобие братства во Христе, согражданства (или равенства обитателей Civitas Dei – града-государства-общности с Богом во главе) в Граде Небесном, находящим земное прибежище в теле Церкви.

Католическая церковь как посредник в общении горожан с Богом создавала духовную основу единства городской общины, через ментальные структуры оказывающую влияние на поведение людей. Этика Фомы Аквинского в составе его теологической системы, основополагающей для официального католицизма, способствовала складыванию образца религиозно-нравственного поведения

¹ Цит. по: *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 217.

горожанина. Фома Аквинский осуществил синтез элементов, изначально содержащихся в христианстве, – религии любви и милосердия Павла и Августина и религии Закона. Преодолеть дуализм Закона и Евангелия Аквинату удалось с помощью установления иерархии ценностей внутримирской этики естественного закона и надмирской этики христианского нравственного закона¹, возвышающейся над первой. Практическое значение такого синтеза заключалось в том, что христианская этика обращалась к устройству общественной и светской жизни, к поведению субъектов публичной жизни, к отношениям индивидов и власти. Абсолютные ценности любви к Богу начали играть роль более опосредованно действующего фактора. Основная идея этики естественного закона Фомы Аквинского – это рационализация жизни: вечный божественный закон мира и природы, закон разума, ставит задачу ограничения и упорядочения чувственности, аффектов и страстей, цели разума должны управлять ими и подвергать строгой дисциплине. Добродетель состоит в поддержании равновесия в соответствии с предписаниями разума². Внутри сотворенного, похотливого мира строится свободой рожденный, нравственный, разумный мир. Основа его заложена естественным правом, признанным Библией рациональным, а содержание постепенно ставится наравне с десятью заповедями. В альтернативу греха и спасения, свободного решения и предопределения Фома Аквинский ввел инстанцию христианизированного человеческого разума. Субъективизм личностных интенций стало возможно соизмерять с объективными законами формальной логики и правилами умозаключений, а процедуру морального самоанализа подвергать контролю рассудка. Акцент был сделан на процесс рационального самоопределения, согласования действий с требованиями разума. Переживания христианина стали определяться не абсолютными альтернативами святости и греха, а относительной рассудочно-серединной моралью³. Фома Аквинский совершил медиацию в культуре, между грехом и святостью выбрав разум, упорядочивающий и

¹ Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. С. 189.

² «Грехом в человеческой деятельности является то, что обращается против порядка разума» (Фома Аквинский. Цит. по: Зомбарт В. Указ. соч. С. 189).

³ Душин О.Э. Модели совести: Фома Аквинский и Владимир Соловьев // Вопросы философии, 2005. № 3. С. 150.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

рационализирующий жизнь. Здесь дуальная оппозиция нашла разрешение. Благодаря этому христианин обрел роль срединного звена, медиатора двух градов как полюсов его внутреннего мира.

Каноническое предписание католической Церкви об обязательности исповеди для всех верующих (IV Латеранский собор 1215 г.) способствовало постепенной замене внешних способов церковной регламентации внутренними формами самоконтроля. Рост самосознания городского населения требовал новых способов, норм и критериев оценки преступлений, аморальных действий и т.д. Отсюда внимание к понятию совести в схоластике XIII–XIV вв. Кающиеся приносили на суд церковников свое дело совести (*cas de conscience*), возникшее из профессиональной деятельности, подвергая религиозно-нравственной оценке законность тех или иных операций, устанавливая приоритетность и первоочередность трудовой необходимости или предписаний поста, воскресного отдыха и т.д.¹ На исповеди человек выступал в роли обвиняемого и обвинителя, что ставило перед ним задачу внутренней оценки собственных поступков. Особое значение приобретал вопрос о совести и внутреннем критерии моральных намерений и поступков. Церковь требовала строгого соблюдения правил ведения торговых операций, осуждая все бесчестные уловки при заключении договоров как грех, способствуя развитию рефлексивных способностей и становлению мещанских добродетелей буржуа². По заключению В. Зомбарта, не протестантизм, а католическая церковь стоит у истоков формирования мещанина как типа и на протяжении всего средневековья оказывает корректирующее влияние на складывающийся капиталистический дух. В составе мещанских добродетелей – мещанского духа, в единстве с предпринимательским началом составляющего капиталистический дух, уже в раннекапиталистическую эпоху принадлежащим реально существующим буржуа, он указывает такие качества как «святая хозяйственность» (рациональное ведение дел, калькуляция расходов и прибыли, переносимая из экономической в публичную сферу), мещанское жизнепонимание, деловая мораль (коммерческая солидность, благопристойный образ жизни, забота о репутации, ориентация на потребителя, на законность и честность приобретения богатства, на

¹ *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 104.

² *Зомбарт В.* Указ. соч. С. 183.

умеренное потребление и т.п.)¹. Становление этих свойств было бы невозможно без католической религиозности, присущей горожанам средневековья.

Под неусыпным повседневным «оком» католической церкви, эффективно применяющей положения христианского естественного права, формировалось правосознание горожанина. Статус абсолютных императивов для человека имели божественные заповеди, конкретизирующим и развивающим способом их реализации стали правовые нормы и законы. Каждый человек в собственной жизни должен утверждать освященную христианством иерархию норм и ценностей бытия. Высшую ступень иерархии составляет служение благу и справедливости, оно означает максимально полное воплощение воли Бога и заповедей Христа. Законопослушное поведение есть богоугодное дело, преступления оцениваются как грехи или действия, следующие замыслам Дьявола («Противобога») и противоречащие божественным заповедям. Христианское правосудие, помимо наказаний, принятых в чувственном мире, предполагает еще и ряд символических сверхчувственных кар прижизненного и посмертного возмездия: отлучение от церкви, лишение права на захоронение по христианскому образцу, угроза Страшного суда и вечных мук в аду. Судебный процесс, осуществляемый церковными иерархами, проходил как священный ритуал, на котором обвиняемый предстал в качестве дважды виновного – перед людьми и перед Богом. Осуществление права имело юридическую и сакральную стороны, поскольку юридические нормы считались лишь модификацией божественных заповедей. Поэтому обвинительный приговор имел предельное значение, это совершение и людского, и божественного суда. Осуждение человека считалось не осуждением лишь одного проступка, оно касалось всех сторон бытия индивида и влекло за собой и социальную, и духовную смерть. Судебный процесс становился аналогом Страшного суда. В предельном варианте правосознание христианина должно было быть теократичным: наилучшей формой правления для него является государство, признающее приоритет церкви и ее императивов над собой и над собственной практической деятельностью. Нормативно-ценностные структуры христианского правосознания основаны на системе религиозно-этических абсолютов, отсюда безапелляционность

¹ Зомбарт В. Указ. соч. С. 83-98.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

иерархии оценок и критериев человеческого поведения, категоричность и ригористичность христианского правосознания, отсутствие критического отношения к собственным основам.

Культурная роль гражданина позднего средневековья включала ряд требований религиозно-нравственного характера, ядро которых составляла ориентация на христианские добродетели. Христианский долг гражданина состоял не только в том, чтобы самому в мирской жизни по максимуму следовать образцам христианских добродетелей, задаваемым монашеством, церковью, христианским искусством (архитектурой, живописью, музыкой, агиографической литературой и т.д.), но и предотвращать порочное и греховное поведение других людей. Оппозиция *добродетель-грех* становится одной из несущих конструкций ментальности горожанина. Грех, представляющий опасность для души верующего, в то же время расценивался как общественная, публичная и даже космическая угроза.

Действительным средством, побуждающим человека к разумному поведению, согласному с христианскими нормами, считался страх божий. Он призван пробуждать в человеке потребность постоянно обдумывать свои поступки и мысли, сопоставлять должное и повседневное, потребность в рационализации и методизации собственной жизни. В конечном итоге это способствует возникновению и развитию способности рефлексии и самоконтроля. Рационализм католической теологии, связанный и с наследием римского права, и с идеями схоластов, нашел отклик в культуре и ментальности горожан. Город и был колыбелью рационализма. Забота горожан о спасении души носила не столько иррациональный, сколько расчетливый характер, основанный на убеждении в возможности договорных отношений с Богом. Благотворительные меры горожанина, забота о благоустройстве города и т.д. предпринимались с целью ответных действий со стороны Бога, были ожиданием посмертного воздаяния за праведную жизнь (сокращения срока мучений души в Чистилище, попадания в рай и т.д.). Репутация набожного и законопослушного горожанина приносила и вполне земную пользу. Достаточно распространены были такие черты ментальности горожан как рационализм и деловая смекалка в стремлении к самым горным целям.

Культурная роль члена городской общины включала и правовые аспекты. Право, как и религия, выступало в качестве важ-

нейшего фактора социализации горожан, лишь с течением времени обособившегося от моральных и религиозных норм. Связь религии, морали и права была настолько тесной, что отделить нормы и образцы поведения, устанавливаемые каждой из этих форм культуры независимо от двух других почти невозможно. Синтетический характер носили требования к человеку, занимающему любую должность в органах городского управления или участвующему в судебном процессе: быть человеком «доброй славы» (*fama bona*) – значит обладать верностью, честностью, законопослушностью, ответственностью, спокойным нравом. Набор качеств горожанина отличался от набора достоинств рыцаря или священника. Право выражало определенный нравственный стереотип, соответствующий которому горожанин мог стать полноправным участником общественной жизни. Зафиксированные правом ценностные установки навязывались и воспроизводились в обществе. Нормы городского права втягивали в правоведение и правотворческую деятельность практически каждого горожанина, по крайней мере, в идеале. В силу этого горожанин обладал достаточно развитой правовой культурой и правосознанием, включающими знание городских обычаев и законов и владение навыками их применения. Он прекрасно ориентировался в правилах скрепления сделок или участия в светских и церковных судебных процессах в самых разных ролях; знал особенности осуществления выборов в органы муниципального управления, процедуры и нормы осуществления общественных обязанностей и должностей; владел навыками нормотворчества и контроля за соблюдением законов и установлений и т.д. В силу открытости судебных процессов, публичного оглашения решений городских и королевских властей, благодаря записи законодательных актов в городской книге и преподаванию в школах начал правовых знаний и деятельности законоведов горожанину была вполне доступна обширная правовая информация.

Правосознание горожан также обеспечивало единство городской общины, особенно необходимое в ходе многообразных городских конфликтов и социальной борьбы. Правосознание средневекового горожанина было преимущественно гетерономным по форме, нормы корпоративного, сословного права выступали в качестве внешне задаваемых образцов поведения, хотя это и было естественным для самого индивида и не вызывало внутреннего протеста. В

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

содержательном поле правосознания индивида сосуществовали ценности целого (городской общины), корпоративные ценности и его собственные ценностные предпочтения, потребности и интересы. Доминанта целого в этой иерархии ценностей не исключала некоторого расхождения между уровнями этой структуры, заставляла искать способы согласования общих и частных интересов, предупреждения конфликтов, находить варианты компромиссов. Поскольку мотивационное пространство едва зарождающегося индивидуально правосознания было задано корпоративными ценностями, то и выбор индивидом модели поведения осуществлялся под воздействием принятых в корпорации образцов. Пока еще не вполне оформившаяся, но вызревающая в культуре оппозиция *социальное (корпоративное) – индивидуальное* (или в ином виде – *публичное – частное*) выражает напряжение, присущее и институциональной, и содержательной стороне модели средневекового гражданина.

Несмотря на распространенность различных форм насилия в городе жизнь средневекового бюргера пронизывала установка на легитимность. Оппозиция *сила – право* (или *насилие, беззаконие – легитимность*), присущая культуре средневекового города, находила свое разрешение путем поисков легальных способов установления мира и правопорядка в городе, к числу которых относились городская суд и альтернативные ему формы правосудия. Истоки установки на легитимность – в религиозных ценностях, насилие же порождалось ориентацией на непосредственное и быстрое удовлетворение земных потребностей и интересов. Уголовные регистры свидетельствуют, что главная ответственность за беспорядки и преступления лежала на коренных жителях города. Оскорбления, затрагивающие честь, вызывали ответные действия. Насилие – домашнее или публичное, индивидуальное или коллективное, бытовое или театрализованное (например спектакль публичной казни) занимало значительное место в сознании и повседневной жизни людей. Городская цивилизация средних веков – это еще не «цивилизация нравов», отсюда – слабость контроля горожан над аффектами. Поголовная вооруженность населения способствовала распространению форм самостоятельной защиты индивидом собственного имущества, чести и личности. Структурообразующим моментом городской иерархии была публичная вендетта: «уважаемые люди» предпочитали мстить сами, считая обращение в суд уделом слабых.

Несмотря на живучесть обычая мести идеальной формой разрешения конфликта горожане постепенно начали считать даже не состязательный процесс, сменивший судебный поединок, а арбитраж, посредничество между конфликтующими сторонами, осуществляемое незаинтересованным третейским судьей. Достижению равновесия и мира в городе – главной сакральной ценности, служило множество альтернативных способов мирного разрешения конфликтов и соответствующих институтов: внутрикорпоративные суды, городской суд, церковный суд, гильдейский арбитраж, нотариусы и т.д. Пробразами городского суда с XIII в. были «общины мира», «трибуналы примирения» и т.д. В их состав из числа «честных бюргеров» выбирали тех, кто будет вмешиваться в ссоры, чтобы избежать кровной мести. Любой ущерб, нанесенный частному лицу, рассматривался как общественное зло, а такие институты предписывали арбитрам добиваться торжественных клятв от представителей конфликтующих сторон о воздержании от мести и о доверии дела городскому суду.

В содержание культурной роли гражданина входили и политические аспекты. Единство, равновесие общины, сохранение городской системы путем компромисса было главной политической ценностью, лозунгом и ставкой в любой из форм городского конфликта. Итогом конфликтов становилось совершенствование городского права, осознание новых реалий трудовых отношений, развитие новых форм социального контроля, финансовых механизмов, совершенствование способов управления городом, технологий, процедур, институтов самоуправления. В условиях постоянных конфликтов городская система сохраняла целостность. Высокая степень устойчивости общины была обусловлена, с одной стороны, объективной общностью интересов и социального статуса бюргеров, порождающими солидарность граждан и городской патриотизм, с другой – культурой и субъективными их качествами. Прагматические действия горожан детерминировались мотивацией на воспроизводство модели христианской общности и образ добродетельного гражданина-христианина.

Легитимность была присуща сознанию «низов» даже в процессе борьбы средних и низших слоев бюргерства за доступ к власти, в ходе конфликтов между коммунальными властями и «плебейским» элементом в XIV–V вв. Борьба велась за легализацию

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

союзов подмастерьев, за создание «младшими ремеслами» своих корпораций, то есть за интеграцию в политическую структуру города. Низы уважали городские установления и традиции, выступали в защиту истинных ценностей коммуны. Обостренное чувство легитимности характерно для многих городских движений несмотря на то, что массовое поведение их участников чаще всего определялось агрессивной логикой сохранения единства общины. Все, что мешало спасению общины – предметы, олицетворяющие пороки, люди, представляющие общественную угрозу, в ходе восстаний низов подвергалось очистительному огню. Жертвы восставших (политические противники, вызывающе богатые горожане, все чужаки и маргиналы – представители этнических меньшинств, проститутки, прокаженные, иногда студенты), сочтенные «чужими» для общины, чуждыми ее ценностям, представлявшим для нее зло, как бы вычеркивались из человеческого сообщества.

Политическая и правовая социализация горожан осуществлялась с ориентацией на ценности целого, поддержание которого требовало от каждого исполнения конкретных обязанностей. Чувство коммунальной солидарности, основанное на клятве о взаимопомощи, спасало горожан при необходимости восстановления безопасности и порядка в городе. Сама община осуществляла военные и полицейские функции, распределяя соответствующие обязанности между горожанами. В процессе решения конкретных задач (охраны стен, внутреннего порядка) и формировались институты коммуны: служба ночного патрулирования, квартальные ополчения городской милиции, стрелковые гильдии и т.д. Участие в них становилось неременной обязанностью всех граждан в возрасте от 15 до 70 лет, исключая грандов, «гибеллинов», иностранцев и бедняков, не платящих налогов. Организации людей по кварталам, основанные на чувстве «квартальной солидарности», были наиболее устойчивыми городскими структурами. Там, где патрициат закрывал доступ бюргеров к муниципальному управлению, участие в квартальной жизни оставалось «отдушиной» для реализации амбиций уважаемых горожан, школой самоуправления и политической активности. Мелкие территориальные ассоциации горожан (улица, церковный приход, соседская группа) поддерживали единство городской общины и осуществляли социальный контроль. Круговая порука и ответственность за под-

держание правопорядка сплачивали аналогичные организации во многих средневековых городах.

Существовали и формы внутрицехового контроля над членами ремесленных цехов. Муниципальные и цеховые предписания регулировали поведение людей, осуществляя и внешний, и внутренний (моральное состояние мастеров и подмастерьев) контроль. Мастерская, гильдия, приход, конферрии, вся коммуна были «референтными группами» для их членов, оказывая поддержку, обволакивая заботой, выступая в роли арбитра в конфликтах, утверждая статус человека в общественном мнении. Стремление «сохранить лицо», объясняло большую часть преступлений «против личности». Хорошая репутация стоила защиты с оружием. Каждый поступок горожанина оценивался старшими и был примером для младших членов группы. Средневековый город создал множество разнообразных форм ассоциаций горожан: коммуна, приход, квартал, ополчение, цех (гильдия, компаньонаж), религиозное братство, линьяж, консортерия, клиентелла или «партия», коммерческая ассоциация типа комменды, которая могла соединять сотни горожан, товарищества для организации праздников и представлений, игр, «братства пьющих», общества по очистке города, молодежные союзы. Человек всегда был на публике, он не мог себе представить жизнь вне «референтной группы», не мог удалиться в собственное частное пространство. Частная и публичная сферы человека еще не дифференцировались друг от друга. Чужак, одиночка был зловещей и нежелательной фигурой. Ядро городского правового и политического сознания составляло различение круга «своих» и «чужих» на разных уровнях, в разных масштабах и по многим критериям, главным из которых была общность горожан, граждан города, корпорация.

Корпорация выполняла по отношению к индивиду двойственную роль. С одной стороны, она сковывала развитие его личности. Однако корпоративная заданность бытия и ментальности индивида воспринималась им в качестве богоустановленного порядка. Масштабы корпорации составляли пространство относительной свободы ее члена во всех аспектах его жизни и деятельности. Это были пределы и развития, и защиты от внешнего давления. Сознание корпоративного братства, безопасности, силы, возможностей, служило основой ощущения внутреннего покоя, уверенности, чувства достоинства. Личность средневекового горожанина – это конкретная лич-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ность, социальные роли, задаваемые корпорацией, составляли ее основные координаты. Несобранность этих ролей в индивидуальное ядро не вызывала в самом массовом горожанине какой-либо дисгармонии. Соответствие своеобразию группы его вполне устраивало. Личностная индивидуальность не ощущалась как насущная потребность. Роль члена корпорации требовала от индивида максимально деятельного включения в строй жизни, *ordo*, порядок внутри данной группы, соответствия ее ожиданиям, санкционированным нормам, уставу, канонам поведения, образцам труда и отдыха, общим трапезам и пирушкам как своего рода жертвоприношения, скреплявшим единство корпорации. Роль подразумевала также обет верности своей корпорации и городской общине. Это было общественной доблестью, добродетелью горожанина.

Но даже в условиях навязчивой заданности бытия гражданина обычаями, ритуалами, моральным давлением групп, даже в отсутствие полной свободы выбора, у бюргера была свобода маневра. Город создавал определенные возможности для изменения социального статуса горожанами, направление мобильности зависело от унаследованных человеком условий и личных усилий. Сложностью и неустойчивостью городской социальной системы детерминировалось наличие внешних и внутренних возможностей становления личности горожанина. Горожанин мог действовать одновременно на разных уровнях: семейном, профессиональном, военном, муниципальном, соседском, приходском. Многообразие групп, конфликтность городской среды, «конфликт законов» (уставов цеха, установлений коммуны, королевских указов), расхождения норм и ценностей позволяли лавировать. Используя конфликты интересов городских структур, горожанин мог легко и неосознанно идентифицироваться то с одной группой, то с другой: сегодня – считать себя членом коммуны и возмущаться нарушением городских привилегий и незаконными налогами, завтра – членом цеха суконщиков, обеспокоенным конкуренцией, послезавтра – состоятельным бюргером и т.п. Оценивать события он мог не совсем самостоятельно, а с помощью соответствующей группы: общей ассамблеи коммуны, заседания мастеров-суконщиков, квартальной секции городского ополчения и т.д. Толпа (во время восстаний, на карнавалах, праздниках и т.п.) тоже могла определять поведение горожанина, разрушая представления о членстве в каких-то группах.

Временное освобождение человека из-под власти сдерживающих начал носило, с одной стороны, деструктивный характер, но с другой – позитивный, поскольку вызывало обвалы стереотипов мышления. Городская система была достаточно гибкой, обеспечивала включенность человека сразу в несколько групп, регулируя его поведение и оставляя за ним определенную свободу действий.

Позднее средневековье стало временем складывания новой ментальности горожан, прорастающей сквозь традиционные представления. Вместе со значительными изменениями в экономическом статусе горожанина произошло и переосмысление отношения к труду. Помимо религиозной и моральной оценки в качестве средства от праздности («матери пороков») и способа искупления первородного греха и смирения плоти, труд стал рассматриваться экономически, как средство обеспечения собственного существования и поддержки бедняков¹. Средневековая культура постепенно расставалась с негативной оценкой труда как наказания и приходила к его позитивному истолкованию. Серьезно изменилось отношение к интенсивности труда. Экономическим идеалом средневековья, начиная с каролингской эпохи, был труд ради насущных потребностей. Труд сверх необходимого расценивался как грех гордыни. Осуждению подвергались негоцианты и торговцы, предпочитающие земные выгоды вечной жизни, ростовщичество, экономический рост и расчет, дух наживы, стремление к роскоши, даже чрезмерный крестьянский труд. Смещение ценностных акцентов сказалось в том, что место гордыни как главного феодального греха начало занимать сребролюбие. Остроту обличения церковь обратила к высшим слоям нового городского общества.

Этос горожанина вырастал в каком-то второстепенном, узком пространстве культуры между господствующими для того времени этосами священника (монаха), феодала-рыцаря и крестьянина. На сопоставлении (подражании и отстранении) как с монашеской этикой служения Богу, так и с «корпоративно-персоналистской этикой

¹ Эту мысль сформулировал Фома Аквинский в «Своде богословия»: «Труд имеет четыре цели. Прежде всего и главным образом он должен дать пропитание; во-вторых, должен изгонять праздность, источник многих зол; в-третьих, должен обуздывать похоть, умерщвляя плоть; в-четвертых, он позволяет творить милостыни» (*Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с франц. М., 1992. С. 209).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

личного служения и личной верности»¹ феодала-рыцаря и рождался этот парадоксальный этос. Недаром его содержательные характеристики напрямую не вычленишь ни из агиографической литературы, ни из «проповедей», ни из рыцарского романа – доминирующих жанров того времени. Эти жанры литературы дают лишь косвенные свидетельства о типе бюргера. Жанры собственно городской литературы того времени (фаблио – шванки, народные баллады, песни и т.д.) выражают обратную официальной, застывшей, заданной, идеализированной стороне жизни горожанина-христианина – изменчивую, фактическую, реальную. В них высвечивается образ смышленного горожанина, даже плута, умудряющегося на службе сильным мира сего (священникам, сеньорам) отстаивать собственные интересы.

Этос бюргера типологически и даже фактически совпадает с этосом купца, поскольку именно крупное купечество представляло «патрициат» в политической структуре города. Посредством анализа произведений различных жанров средневековой литературы XI–XV вв. – «проповедей», «примеров» («exemple»), «семейных хроник», «деловой переписки» и т.д. – А.Я. Гуревич показывает социокультурный и социально-психологический тип купца в его ранне- и позднесредневековом выражении². В этом развернутом сравнительном анализе выявляются коренные изменения в общественной оценке купечества и его ментальности, произошедшие к XIV в., метаморфоза осуждаемого «парии» общества в экономически, а во многом политически и культурно господствующий тип предпринимателя. Фигура купца – соединение несоединимого в самых различных аспектах и смыслах. Неоднозначна его социальная, политическая, культурная, историческая роль. Нормативное содержание культурной роли купца, как его можно представить по приводимым А.Я. Гуревичем источникам³, наполнено противоположными требованиями: быть расчетливым, осмотрительным (в чужих землях, в отношениях с партнерами, властями) и уметь рисковать и принимать немедленные решения; быть широко образованным

¹ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 9.

² Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. М., 1990.

³ В данном случае речь идет о наставлениях отца сыну в «Королевском зеркале» (Норвегия, XIII в.) (Там же. С. 99).

(знать торговое право, языки, обладать географическими и астрономическими знаниями, разбираться в обычаях мест ведения торговли) и уметь извлечь из всего собственную прибыль; быть воинственным (оборона, разбой, пиратство в купеческой жизни зачастую соседствовали друг с другом) и миролюбивым, сдержанным, то есть сочетать насилие и право; стремиться к увеличению недвижимой собственности ради вложения в земельную собственность; быть благочестивым, следовать ценностям этики евангельской бедности и, ориентируясь на свой частный интерес, на практике уметь применять любые средства, не ограничивая себя религиозными нормами, то есть следовать этике накопительства; подражать аристократам и стремиться иметь собственное «лицо»¹ и т.д.

Не каждый индивид мог совместить такое множество ролей, связанных с купеческой деятельностью. Очевидно, параллельно происходили процессы отбора людей, способных за счет внутренних ресурсов (гибкости, изменчивости, «смены масок») уметь совмещать столь разные роли, и процесс медиации между противоположными требованиями к культурной роли купца. От ранне-средневековой раздвоенности – между христианской этикой и этикой накопительства, уходило и само купечество, и культура. Изменялись и ментальность купцов, и общественная оценка их деятельности. Все более позитивным смыслом наполнялся образ умеренного купца-накопителя и предпринимателя. Соединение веры и купеческого стяжательства привело к оценке удачливой коммерции как служению Богу, к договорным принципам отношений с Богом. «Арифметическая ментальность» купцов произвела на свет идею пропорциональности добрых дел на земле и наград на том свете. Расчет проник в представления о горнем мире: идея чистилища позволяла умерить страх перед воздаянием за греховность повседневных практик торговцев, вселяла надежду на возможность под-

¹ В анонимной поэме «Добрый краткий спор между Накопителем и Расточителем» (Англия, XIV в.) купеческие добродетели умеренности, достоинства от честно нажитого богатства, расчетливости в тратах, стремлению сохранить нажитое в пределах собственной семьи и т.п. противопоставляются установкам и доблести рыцарей-аристократов – церемониальному распоряжению богатствами, публичной расточительности, высокомерию, праздноности, обжорству, мотовству и т.п. (Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 105).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

готовки к последнему суду и спасению, а щедрые подношения церкви – мысль о возможности «купить» посмертное «благополучие». Теневые стороны образа жизни и ментальности купечества постепенно переставали считаться исключительно отрицательными. Отличительными признаками новой ментальности стали изменения в представлениях о пространстве и времени. Архитектура, организация городского пространства, центр которого создавал храм, все более подчинялись восприятию горожанина-зрителя, в живописи эту тенденцию выражает открытие «линейной перспективы». Секуляризация времени – оттеснение «теологического» «технологическим» временем ставило время (историю – индивидуальную и общую) «на службу бюргерам»¹, делало восприятие времени более очеловеченным, субъективным, личностным.

Именно купечеству по сравнению с другими сословиями принадлежит роль пионера в развитии коллективного (корпоративного) и индивидуального самосознания. Развитие мемуарной и автобиографической литературы позднего средневековья, в которой разворачиваются этос и самопонимание купцов, свидетельствует об их интересе к собственной персоне во всех ее проявлениях – от участия в политической жизни города до самых мелких деталей повседневной жизни. Купечество стало открывателем ценностей частной жизни в их отличии от норм жизни публичной: любовь к дому, семье, собственным детям все более оттесняла патриотизм и «благо коммуны». Проявления этой тенденции – открытие детства как особого периода в жизни человека, складывание основ «буржуазной семьи», развитие практики завещаний и т.д. Но всегда рядом с позитивными приобретениями – негатив: «эгоистическая мораль беспринципной наживы», утилитаристское понимание добра, «меркантильный индивидуализм»².

¹ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 127.

² «На картинах и портретах итальянских и фламандских мастеров богатые купцы предстают перед нами нарядно-величественными и благочестивыми людьми, щедрыми дарителями, основателями госпиталей, украшателями церквей и прочих общественных зданий, тогда как в интимных записях и «семейных хрониках» обнажаются их безжалостный эгоизм и цинично-инструментальное отношение к согражданам и контрагентам коммерческих сделок. У делового человека эпохи Возрождения было два облика. Он сочетал культуру с коммерцией, религиозность с рациональностью, благочестие с аморальностью. Освобождая политику от морали,

Политическая роль средневековых купцов также парадоксальна. В городах позднего средневековья благодаря бюргерскому сословию формировались и оттачивались формы городского самоуправления. Хорошо владея политической конъюнктурой и играя на разнице интересов центральной власти, аристократии и низших сословий, «патриции» и «средние» бюргеры (в меньшей степени) использовали городские советы ради собственных экономических целей. Не менее удивительна историческая роль купцов (бюргерства) в становлении абсолютизма: экономические союзы купцов («нации») и «республиканские» формы управления городами в конечном итоге послужили фактором формирования наций и централизации власти.

Этос горожанина, включающий ментальные и поведенческие элементы, оказался ареной столкновения и способом сближения противоречащих ценностей и установок – должного (традиционного этоса христианина) и реального. Становление бюргерского этоса поневоле протекало с оглядкой на реальность – гетерогенность условий существования человека, на весь контекст городской среды, порождающей новый сплав экономических, правовых и политических отношений и ценностей. Погруженный в эту среду христианский этос принял новую форму этоса бюргера с обновленными ценностными установками (прятия земного мира, освобождения от перегруженной христианской символики и патриархальных традиций, новым отношением к власти, труду, согорожанам, телу, семье, еде, роскоши, комфорту и т.д.), обрел устойчивый социокультурный статус наряду с христианским и рыцарским этосами. Это была внутренне противоречивая, дуалистичная модель поведения, в которой сказывались наслоения ее синтетического культурного происхождения. Эгалитарные ценности и установки соседствовали с элитарными¹. Городской патриотизм и гордость, общность разделяемых горожанами политических, эстетических, духовных ценно-

он действительно был «макиавеллистом до Макиавелли». (Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 120).

¹ «Ментальность горожан, по крайней мере вначале, отличалась эгалитаризмом, основанным на горизонтальной солидарности, объединявшей людей благодаря клятве в сообщество равных; феодальная же ментальность, тяготевшая к иерархии, выражалась в вертикальной солидарности, цементируемой клятвой верности, которую низшие приносили высшим» (Ле Гофф Ж. Указ. соч. С.89).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

стей сочетались с дифференцирующими переживаниями корпоративной, цеховой, гильдейской и т.п. солидарностей, с чувством различия сословных интересов. Новая система восприятия мира, накладываясь на феодальную, магическую ментальность, эволюционировала в городах начиная с XII–XIII вв. и распространялась по мере их роста. Внутренний мир горожанина стал полем сосуществования этих типов ментальности: «.. в средневековом обществе, а часто и в одном и том же человеке, две эти системы не только сосуществовали, но и вмещались одна в другую: в старую систему все больше проникала новая и постепенно подтачивала ее, создавая внутреннее напряжение, нарушая связность и последовательность представлений»¹.

Во всех сферах духовной культуры шли процессы обновления, касающиеся «оснащения» новой ментальности: городские школы преобразовывались в университеты; книга из сакрального предмета трансформировалась в инструмент познания, служащий утилитарным целям; письменная культура была распространена на феодальное, римское, каноническое право и законы, место судебной дуэли стали занимать письменные доказательства; в теологии шла рационализация методов интеллектуальной работы, самой веры, в схоластике распространение получили практика логического обоснования аргумента и диспуты как форма сосуществования разных мнений и рождения нового знания². В рамках «высоких» форм культуры – теологии, мистики, поэзии, изобразительного искусства – начался процесс открытия внутреннего мира человека, осознание сложности и глубины его «Я». В рамках теологии и философии совершалась рационализация этоса христианина. «Происходила интериоризация духовной жизни, ведущую роль приобретало развитие сознания, и вопросы схоластики превращались в дилеммы самосознания»³. Внешние формы контроля церкви над поведением индивида через покаяние и наказание постепенно сменились требованиями раскаяния в содеянном или помысленном, вызывающими угрызения совести, и обещаниями отпущения грехов. Отсюда повышение внимания к намерениям, мотивации поведения, обострение чувствительности, ориентация на идеал нравственной чистоты

¹ *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 320.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 325.

ты. Это стало переворотом в «коллективном ментальном». Готическое искусство с его реалистическими и натуралистическими тенденциями стало зримым воплощением утверждавшейся новой системы ценностей – внимания к видимому и ощущаемому миру, значимости мира самого по себе, а не в качестве символа скрытой реальности, конкретизации и индивидуализации предметов и людей, десакрализации мира и культуры¹. Новеллы XV–XVI вв. и прежде всего «купеческая эпопея» – «Декамерон» Дж. Боккаччо, фиксируют социально-психологический и моральный кризис купечества, с одной стороны, с другой – появление нового героя литературы – предприимчивого купца, «рыцаря торговли».

Средневековая цивилизация, породив матрицу корпоративных пределов существования индивида, создала и социокультурные основы прорастания личности. Одной из таких основ является христианская идея индивидуального спасения, другой – развитие права, в частности торгового, купеческого, где произошло выделение пространства действия лица, то есть выделение индивида (купца) в качестве индивидуального субъекта права. Это послужило предпосылкой становления общесословного права и одновременно процесса индивидуализации субъекта права, появления автономного индивидуального субъекта гражданского и конституционного права в масштабах нации-государства, гражданина государства. Эволюция права в средние века, взаимосвязанная с эволюцией других форм культуры, представляет собой процесс конкретизации субъекта права, идущий через территориальное, затем сословное, к общесословному его определению (в новое время) с одновременным повышением правовой автономии индивида. Этому соответствовали тенденции возрастания религиозной, моральной и в ограниченных масштабах политической автономии личности.

Однако утверждать о наличии духовной автономии средневековой личности было бы неверно. Индивидуальное сознание было подчинено общему мнению. Человек испытывал сильнейшее давление ценностей и мнения окружающих, находился в полной зависимости от норм корпорации, к которой он принадлежал², в

¹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 329.

² «...общественное мнение не только ... формирует его поведение и образ мыслей, но способно существенно изменить его собственные представления» (Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. (Exemplar XIII века) М., 1989. С. 334.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

страхе перед публично выявленным проступком, грехом, скандалом, осуждением или осмеянием его поведения окружающими. «Культура вины» задавала соответствующие чувства и переживания, церковь культивировала в верующих это чувство виновности, способствуя тем самым пробуждению в человеке начал рефлексии и индивидуальной нравственности. В «примерах», жанрах проповедей, часто упускаются положения о свободной воле человека, способности поддаться соблазну или преодолеть его, «дежурные» мотивировки человеческого поведения ссылаются на овладение человеком чужой воли («Божьего внушения» или «бесовского наущения»). Но ответственность с личности не снималась: человек в силах противиться греху, к которому его склоняет «нечистая сила». Встречаются в «примерах» и прямые отрицания свободы воли и утверждения фаталистической идеи предопределенности совершаемых деяний, чуждой христианству, связанной с античными или восточными традициями¹. «Примеры» показывают напряжение между свободой воли и судьбой, фатальной несвободой, в качестве которой может выступать Бог или дьявол.

Проповедь Бертольда Регенсбургского «О пяти фунтах (талантах)» (XIII в.) – один из примеров представлений того времени о ментальности и становлении личности горожанина². Взгляды Бертольда во многом перекликаются с положениями этики Фомы Аквинского. В интерпретации Бертольдом библейской притчи о талантах, вверенных господином своим рабам, в утверждении единства пяти даров обнаруживается не только антропология того времени, но и совокупность требований-ожиданий к исполнению социальной роли христианина бюргером.

«Первый фунт» – это «наша собственная персона», которую Господь сотворил по своему образу и подобию и облагородил, даровав ей свободу воли и наделив ответственностью за выбор между добром и злом, за воплощение дарованных «талантов».

«Второй фунт» – «это твое призвание (должность, служба, amt), к которому тебя предназначил Бог»³. Новизна подхода Бер-

¹ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 338.

² Гуревич А.Я. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 201.

³ Каждому человеку Он даровал службу, ибо никто не должен оставаться праздным. «Общество состоит из лиц, каждое из коих выполняет отведенную ему социальную функцию. Это своего рода учение о функ-

тольда заключается в его обращении к индивиду, а не к обезличенному сословию, прямой диалог («Ты должен быть тем, кем хочешь тебя видеть Бог. Нельзя роптать на данное Богом») – свидетельство заботы о душе индивида. Должности распределены мудро, по воле Господа, а не по желанию людей. Если бы Бог сделал всех господами, то мир был бы неустроен, и в стране не было бы спокойствия и порядка. Предпочтительнее спасти свою душу, занимая невысокий пост, чем погубить ее на высокой должности. Бертольд обличает корыстолюбивые занятия – ростовщичество, перекупку, обман, мошенничество и воровство, которые установленным Богом призванием («должностью») не являются. Второй дар – его сословное и профессиональное призвание, социальная функция индивида. Человек не выбирает служения по собственной воле и не должен помышлять о перемене профессии или о переходе из своего социального разряда в другой, ибо в каждой должности он обязан выполнять предназначение бога. Личность в представлении Бертольда – это «социально определенная личность», качества которой координированы с ее принадлежностью к юридическому сословию. Нет «абстрактного человека» как такового, но существуют различные социальные типы – господа, государи, рыцари, крестьяне, ремесленники, купцы. Структура личности каждого из типов различна. Бертольд выражает специфику самосознания средневекового человека, жившего в сословно-корпоративном иерархическом обществе.

Понятия «должность», «призвание», «служение» охватывают самые различные общественные функции – управленческие, церковные, политические, трудовые, профессиональные. Категория *amt* предполагает и труд. Но труд не выделен из более обширного разряда «служения» целому, обществу, важна включенность в систему многообразных функций, которые выступают одновременно и в качестве социальных, и в качестве этических и религиозных¹. Труд человека осуществляется перед лицом высшего Творца. В проповеди встречаются различные значения понятия «труд» (*arbeit*) – как «работа», «производственная деятельность», так и «нужда»,

циональном разделении труда и обязанностей... Иерархия и распределение общественных функций, рангов и богатств – признак благоустройства мира и угодны Богу – творцу космического и социального порядка (*Гуревич А.Я. Культура безмолвствующего большинства ... С. 202*).

¹ Там же. С. 204

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

«мука», «забота», «наказание», а в других текстах XIII в. коннотации труда – «служба», «подчинение», «господство», «верность». Труд не является абстракцией, это всегда труд конкретного индивида. Францисканский проповедник настаивает не на аскетической пассивности и уходе от мира, а на необходимости социально полезной деятельности как основы существования общества. Общество, по его мнению, состоит прежде всего из производящих субъектов. Это свидетельство зарождения в средневековом городе новой «этики труда».

Третий «талант» – время, отпущенное человеку для жизни и трудов, его использование предполагает ответственность перед Богом и определенные шансы на спасение. Бертольд призывает сделать свое время полезным, отводить время молитвам, посту, добрым делам, милостыне, посещению церкви и тем самым обеспечить возможность спасения. Время земной жизни человека является собственностью Господа, это время спасения, которое должно быть подчинено вечности. Полезное использование времени – забота о спасении души. Проповедник был в контакте с бюргерской средой, где время начинало приобретать новую ценность. Время как условие осуществления призвания выдвигается у Бертольда в ряд центральных ценностей человеческой жизни и начинает выступать в качестве неотъемлемого параметра личности.

Четвертый «талант» составляет земное имущество. Его необходимо употреблять для удовлетворения потребностей членов семьи. Собственник в проповеди Бертольда – непосредственный производитель, заботящийся о своем прокормлении и достатке. Идеал проповедника – самообеспечивающееся хозяйство семьи. Собственность в этой системе мировоззрения есть то, что приобретено законно, честным трудом. В условиях разделения труда трудящиеся вступают в обмен услугами и продуктами труда. Он бичует не неравномерность распределения собственности, а злоупотребления ею как проявление неверности по отношению к Богу, который сотворил всего достаточно для всех. Неравенство имуществ не так существенно, оно отступает на второй план перед коренным равенством людей перед Творцом.

Пятый дар – «любовь к ближнему как самому себе». Однако «Богатство настолько тесно спаялось в сознании с личностью и ее «должностью», предназначением-призванием, что «любовь к ближнему» приобрела намного более анемичный, бездеятельный харак-

тер, нежели прежде¹. Влияние новой этики труда и собственности привело к переоценке христианских ценностей.

Пять даров – главные ценности, за распоряжение которыми человек ответственен перед всевышним, это его личность, призвание, время жизни, имущество и отношения с другими людьми. Душа присутствует в этом рассуждении как незримый центр, к которому стягиваются все перечисленные дары. Перечень талантов Бертольд начинает с человеческой личности – понятия, которое в более ранний период применялось лишь к триединой персоне самого Бога. Личность есть синтез тела и души (*lir* и *persone*). В момент кончины человека происходит разъединение этого противоречивого единства, но в Судный день произойдет восстановление души в теле, и окончательно осужденной или оправданной «персоне» высший Судья укажет полагающееся ей место в загробном мире. В перечне даров «персона» – первый и основной дар, к которому могут присоединиться все прочие. «Должность, призвание» – указывает на социальную функцию человека. Он представляет собой личность, принадлежащую к «должности», социально-профессиональному сословию. Этого статуса он не может и не должен изменить, поэтому он обязан со всем тщанием и честно выполнять свою должность. Служение, призвание – неотъемлемое качество человека, как и сама его личность. Личность, таким образом, представляет совокупность всех даров (или сторон, измерений человека): это единство души и тела, социальная функция человека, служение, время его жизни. Важно начало объединения понятий времени человеческой жизни, личности и призвания. Врученные Богом таланты становятся собственностью человека. Это новое содержание наполняет традиционную теологическую форму. В проповеди возникает неосознаваемое Бертольдом противоречие между теоцентрической картиной мира и складывающейся в общественном сознании бюргерства картиной мира, в неформальном (неофициальном) центре которой перед лицом Бога и общества стоит человек с земными устремлениями. Эти мотивы отчасти предвосхищают религиозную этику эпохи Реформации.

Важным аспектом взаимоотношения между регулятивной идеей личности, сформулированной христианской культурой позднего средневековья, и актуальным бытием индивида, было «сопря-

¹ Гуревич А.Я. Культура безмолвствующего большинства ... С. 209.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

жение Простеца и Схоласта (с включением Мастера как медиатора этих полюсов)¹. Средневековая культура в целом и идея личности пронизана антитезами: *верх* (Бог, Град Небесный, духовность личности) – *низ* (Дьявол, град земной, Человеческое тело); *ничто* (ничтожество) – *все* (всемогущество, всезнание), *святость* (праведность) – *греховность* и т.д. Однако все эти полюса постепенно стягивались, порождая новые понятия и представления о «посредниках»: Церкви (в качестве общности верующих и храма Божьего) – как посреднике в общении между человеком и Богом; городе как месте встречи двух градов: о христианах-рыцарях, мирянах – людях, в миру способных осуществить умеренный этос святости; купце как социальном посреднике в торговом и культурном обмене; наконец, о художнике (архитекторе, ремесленнике – Мастере) – медиаторе земного и небесного начал и т.д. Идея личности прорастала в диалоге между «высокой» культурой схоластики и «низкой» культурой «простых» крестьян и горожан. Образ Простеца амбивалентен – это реальный крестьянин, обитатель сельского прихода, с его полухристианскими и полуязыческими, архаическими, традиционными навыками, опытом, ментальными схемами. «Это «предмет» обработки, идеологического воздействия со стороны «высоколобого», все более прикладного, популярного, все более сниженного и вырожденного (ориентированного на умы простеца) богословия»². Горожанин как бывший крестьянин не был лишен многих из этих стереотипов поведения и сознания, однако городская среда и культура способствовала самоизменению горожанина, постепенно разрушая не только «прошлое» – крестьянское в его сознании, но и «настоящее» – групповое, корпоративное и пробуждала личностное. Диалог с простецом «в себе», открытие мудрости в простоте бытия – это основной внутренний диалог, составляющий смысл средневекового мышления и средневековой личности. Простец в качестве внутреннего Собеседника присутствует в произведениях теологов (Августина, Фомы Аквинского), ему адресованы «проповеди» и «примеры». В столкновении с ним Теолог, Схоласт создает синтетические конструкции, смотрит на себя его глазами,

¹ Библер В.С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 122.

² Там же. С. 100.

открывая в себе и человеке вообще новые способности – рефлексии, самосознания, власти над собой. Благодаря образу Простеца индивид выявляет «несовпадение с собой», «другое Я» в себе, начинает определяться относительно себя, а не относительно общности. Спадают узы социальной и идеологической детерминации и возникает хрупкая возможность «самоотстранения и самоотстранения», самодетерминации и индивидуализации индивида, возможность обретения им собственного лица. Это возможность быть обособленным индивидом, а не социальной ролью или иллюстрацией этоса той или иной корпорации.

Идея личности как скрепа социальной и культурной ролей горожанина складывалась в процессе поисков разрешения многообразных городских конфликтов, коллизий существования индивида. Перед культурой и индивидом встала задача медиации между его социально-правовым статусом (комплексом ролей) и потребностями повседневной жизни, задача выбора конкретного поведения. Необходимость ежедневной реализации абсолютных принципов христианской жизни в повседневной жизни вызывала прятавшееся за консервативными культурными образцами творчество новых ценностей и норм. Для того чтобы найти свое место в божественном мироздании, горожанину потребовалось соотнести образ Града Небесного и реальный земной город и вывести нормы их взаимопроникновения, спустив небеса и освятив ими пространство земного града. Без этой идеи гражданин позднего средневековья не мог бы состояться, и тем более не смог бы проложить мост к гражданину национальных государств нового времени.

Феномен средневекового гражданина оказывается таким социальным приспособлением, которое позволяет общности «программировать» поведение своих членов в соответствии с требованиями собственного социального порядка, но оставляет для индивида некоторую свободу выбора между требуемым и реальным поведением. В точке сопряжения адаптивного и индивидуально своеобразного (в перспективе – творческого) поведения и появляется возможность для возникновения и развития личности. На протяжении средних веков происходит формирование всех аспектов объективного бытия гражданина – его экономического, правового, политического статуса, соответствующих социальных ролей и становление ментальных аспектов бытия. Модель гражданина, фикси-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

рующая статичные, структурные моменты феномена, позволяет учитывать и его динамику. Становление гражданина идет параллельно трансформации внутренней структуры городской общины и формированию централизованного государства, которое, подчиняя себе автономные города, перенимает и развивает способы их функционирования и развития, их институциональную структуру и культуру. Феномен гражданина, возникающий в динамичном взаимодействии института гражданства и культурного идеала (этоса) гражданина, оказывается одним из таких изобретенных в средневековом городе способов жизни, который был востребован в иных масштабах Новым временем. Городская община средневековья создала прообраз гражданина, гражданского общества и нации-государства. Но возникновение этих форм в средневековье отнюдь не предопределило их автоматическое воспроизводство в Новое время, гражданин национального государства стал результатом новой истории.

Процесс взаимодействия христианской и купеческой этики включает и фазы их относительной гармонии-синтеза в виде протестантской этики предпринимательства, а также фазы почти окончательного истончения этоса христианина и вытеснения его этикой неограниченного индивидуализма. Последнее стало очевидным с расцветом безудержного потребителя (обывателя, «Хама», «человека массы») в XX в., что стало результатом кризиса умеренного этоса бюргера-гражданина. Однако в средневековом бюргере это все только начиналось.